

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ САШИ ЧЁРНОГО**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061252
Должиковой Евгении Вячеславовны

Научный руководитель
д.фил.н., профессор
Семененко Н.Н.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Дискурс как объект лингвистического исследования.....	5
§1. Основные понятия современной дискурсивной лингвистики.....	5
1.1. «Дискурс» как один из базовых терминов современной антропоцентрически ориентированной науки о языке.....	5
1.2. Проблема соотношения понятий «дискурс», «речь» и «текст».....	7
1.3. Основные подходы к классификации дискурса в современной лингвистике.....	16
§2. Художественный дискурс и основные аспекты его лингвистического описания.....	18
§3. Экспрессивно-стилистические параметры художественного дискурса как объект исследования современной лингвистики.....	21
Глава II. Основные экспрессивно-стилистические характеристики художественного дискурса Саши Чёрного	23
§1. Экспрессивная функция оценочной лексики в произведениях Саши Чёрного.....	23
§2. Экспрессивная модальность в поэтике Саши Чёрного.....	36
§3. Лингвистический анализ произведений Саши Чёрного как лингводидактическая проблема.....	44
Заключение.....	48
Библиографический список использованной литературы.....	52

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы определяется постоянным вниманием лингвистики к изучению особенностей понятия «дискурс». В последнее десятилетие на передний план научных исследований, проводимых в различных сферах гуманитарного знания, выходит анализ дискурса как объекта, включающего в себя помимо вербально выраженного текста также иные содержательные области. При этом обращает на себя внимание то, что дискурс как операционное понятие научного поиска используется не только в лингвистических исследованиях, но и в других научных изысканиях (например, в истории, психологии, юриспруденции и т.д.).

Актуальность представленного исследования связана еще с необходимостью уточнения конкретных механизмов и форм развертывания дискурса. Термин «дискурс» сегодня занял серьезную позицию в лингвистике и получил свою собственную дефиницию, что дало возможность глубже производить анализ текстов.

Проблема дискурса в лингвистическом аспекте рассматривается в трудах известных ученых С.Ю.Тюриной, В.И.Карасика, П.Серио, Д.Шифрина, М.Л. Макарова, Н.Д. Арутюновой, И.П. Ильина, Ц. Тодорова, В.Г. Борботько, А.И.Варшавской, Дж. Лича, В.В. Богданова, С.А. Сухих и т.д., но методология исследования данного вопроса и, в частности, теории дискурса, дискурсивной поэтики и дискурсивного анализа полностью не разрешена и требует дополнительного изучения.

В нашей стране проблемы различных аспектов дискурса были объектом научного интереса Н.С. Автономовой, М.Н. Грецкого, М.И. Николова, Т.А. Сахарова, С.Н. Некрасова, Т.А. Клименковой. В 1990 и 2010-е годы этим занимались В.П. Визгин, З.А. Сокулер, В.М. Розин, С.В. Табачникова, И.П. Ильин, С.В. Чебанов, Е.Н. Шульга, Н.К. Иванова, А.А. Грицанов, М.А. Можейко и др.

Объектом данного исследования являются экспрессивно-стилистические ресурсы языка, встречающиеся в пространстве художественного дискурса Саши Черного (Александра Гликберга).

Предмет исследования – семантические и стилистические функции экспрессивно - окрашенной лексики в поэтических текстах Саши Черного.

Цель – исследовать и описать экспрессивно-стилистические средства выражения оценки в художественном дискурсе Саши Черного.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. уточнить понятия дискурса и художественного дискурса применительно с задачами описания языковой семантики;
2. выявить семантические доминанты творчества поэта;
3. описать экспрессивные возможности иронического словоупотребления
4. выявить стилистические функции лексем в процессе выражения ими оценочного значения;
5. описать и систематизировать оценки-прагмемы, используемые автором.

Материалом для дипломной работы послужила сатирическая лирика Саши Черного (Александра Гликберга), созданная в период с 1906-го по 1931-й г.г.

В работе использовались следующие **методы исследования**: описательный в ходе интерпретации, систематизация и характеристики оценочной лексики в рамках художественного пространства произведений Саши Черного, метод интертекстуального анализа в процессе выявления прецедентных стихотворений, повлиявших на идиостиль поэта; элементы метода лингвокультурологического описания; приём интроспекции.

Глава 1. ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§1. Основные понятия современной дискурсивной лингвистики

1.1. «Дискурс» как один из базовых терминов современной антропоцентрически ориентированной науки о языке

Термином «дискурс» давно пользуются научные работники. Он известен в различных областях исследования. Последнее время мы все чаще начинаем употреблять в своей речи слова, заменяющие давно известные. Однако дискурс занял серьезную позицию в лингвистике и получил свою собственную дефиницию, что дало возможность глубже производить анализ текстов.

Дискурс (с французского «discourse» — речь) — это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, прагматическими, психологическими и другими факторами [Арутюнова 1998: 6].

На сегодняшний день лингвисты изучают тексты в широком и узком его понимании. Второе толкование подразумевает определение единиц текста, типов словосочетаний, изучение композиционного и структурного построения текста. А в широком понимании текст изучается как целостная знаковая система. Соотношение языковых и внеязыковых принципов в создании художественных произведений и есть понятие дискурса.

В широком смысле дискурс есть комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Взаимодействие может быть речевым, письменным, а также иметь вербальные и невербальные составляющие (например, разговор с друзьями, диалог между пассажирами поезда, самолета, чтение журнала) [Гуо 2017: 483-486].

В узком смысле дискурс есть текст устный или письменный. В нем присутствует только одно вербальное звено. Учитывая эти позиции, дискурс обозначает завершённый или продолжающийся процесс речевого взаимодействия, его устный или письменный результат [Гуо 2017: 483-486].

В 1952 году С. Харрис впервые употребил слово дискурс, а Ю. Хаберманс расширил понятие этого термина. Ученый представил его как своеобразный диалог между автором и читателем, который был представлен в данной реальности. Таким образом, в 60-х – 70-х годах между понятиями «дискурс» и «текст» не было различий. Лишь к началу 80-х годов эти два термина разграничили [Гуо 2017: 483-486].

Согласно концепции Т.А. ван Дейка рассмотрение возможностей функционирования языка в обществе ведется с учетом определенных социальных составляющих (точки зрения говорящего, его социального, политического, этнического, духовного статуса); обязательно учитываются личностные характеристики носителей языка (чувства, эмоции, мышление, мировоззрение) [1998: 7].

В теории Э. Бенвениста дискурс противоположен реальному повествованию, в результате понятие дискурса было распространено на все виды целостной и различающейся по своим целеустановкам речи.

Таким образом, понятие дискурса является объемным. Оно включает в себя разнообразный спектр характеристик как языковедческого, так и экстраязыковедческого свойства, которые дают возможность рассматривать дискурс в качестве речевого продукта с присущей ему однородностью и уместностью, привязанностью к определенному контексту, видовой и жанровой принадлежностью, а также общностью с различными слоями культуры, социальной общностью и с конкретным историческим периодом.

Следует отметить, что дискурс является одним из важнейших понятий в лингвистике. Этот термин интерпретируют по-разному, он имеет варианты произношения (ударение ставится на первый или второй слог).

Дискурс широко употребляется в виде родовой категории к таким понятиям как речь, диалог, текст. Определение дискурса предполагает собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения.

1.2. Проблема соотношения понятий «дискурс», «речь» и «текст»

Об особой позиции дискурса, который позволяет субъекту понять сообщение, а объекту отправить его, правильно изложить мысли, пишет Дебора Шиффрин: «Сам факт наличия у дискурса этой роли выводит нас из границ (пределов) лингвистики как таковой по той простой причине, что мы исследуем, как язык дискурса связан с различными аспектами коммуникативной деятельности, которая в свою очередь к языку как таковому имеет опосредованное, сложное (равно как и противоречивое) отношение» [1990: 99]. Следовательно, в парадигме речевого подхода дискурс соотносится с определениями «речь», «речевая деятельность», «коммуникативное событие». Конечно же, схожесть их относительная, но понимание дискурса с помощью этих терминов указывает на такое важное понятие как процессуальность, соответственно во всех дисциплинах особую значимость имеют признаки дискурса как действия, и интерактивность, соответственно взаимосвязь с определенными социальными условиями.

С развитием языкознания дискурс стали трактовать как: 1) связный текст; 2) общеразговорная форма текста; 3) диалог; 4) совокупность выражений, связанных между собой по смыслу; 5) письменная и устная речь [Кубрякова 1996: 469]. Для образования науки-лингвистики текста, исследования понятия дискурса условием стал доклад Э. Бенвениста «Уровни лингвистического анализа», который был прочитан в 1962 году на IX Международном конгрессе лингвистов. В этом докладе была представлена вертикальная система языковых ярусов, которая

заканчивалась предложением. Хотя работа над этой иерархией не была окончена. Позже ее дополнили уровнями более высокими, чем предложение. Назвали их по-разному: гиперсинтаксис, супрасинтаксис, связный текст. Идея Бенвениста была значимой, так как с помощью нее было установлено, что предложение объединяет языковые знаки и является таким уровнем, на котором заканчивается «область языка как системы знаков» и начинается зона языка как средства общения и его выражение является речью (lediscourse) [2010: 139]. Позже Р. Барт писал в работе «Lalinguisti-guedudiscourse» (1970) (в переводе «Лингвистика текста» (1978) или «Лингвистика дискурса» (2003)), части текста и предложения должны оставаться в области транслингвистики вследствие того, что большее внимание уделяется ситуации, в которой создавался текст, а это языкознание не изучат. Порядок соподчинения предложений Р. Барт назвал пространством связного текста, что вполне равняется дискурсу, так как важной частью связного текста считается контекст, в котором он культивируется. «За пределами предложения, в мире связного текста, смысл неизбежно приобретает референциальный характер, он определяется той или иной конкретной ситуацией, без учета которой соответствующая коммутация невозможна» [Барт 1978: 446]. Позже ученые-лингвисты более четко обозначили различия между понятиями текст и дискурс. Дискурс (или связную речь) В.А. Звегинцев называет уровнем выше предложения: «Под дискурсом ... будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [1976: 170]. Такой вывод сделал ученый, используя иерархическую систему Э. Бенвениста.

Но все-таки различие между дискурсом и речевым событием остается объектом изучения лингвистов. Говоря о репрезентативности, следует понимать общение (обмен информацией) между субъектами при помощи системы знаков. Единицей речевых взаимоотношений является репрезентативное событие, которое воспринимается как единое целое

вместе с отправителем информации, получателем информации, языковыми единицами, контекстом. Все эти составляющие и представляют модель дискурса. Таким образом, мы задаемся вопросом: отличается ли речевое событие от дискурса? Одинаковые ли это понятия? Если представлен процесс общения, такой как урок, классный час, собрание, то речевое событие и дискурс отождествляются. Поэтому возможно употребление «речевое событие собрания» и «дискурс собрания». Так, в работах В.И. Тюпа урок представляет собой репрезентативное действие во взаимном согласии. Он рассматривает определенную постановку урока: репрезентативное пространство [Тюпа 2016: 14].

Тем не менее «речевое действие» нельзя причислить к какому-либо кругу знаний или области деятельности (социология, политика, реклама, торговля), типу речи (рассуждение, повествование, описание) и т.п. Рассматривают бизнес-дискурс (Ю.В. Данюшина), компьютерно-медийный (Л.Г. Ковальская), публицистический (Т.В. Чернышова), научный, массово-информационный, государственно-правовой, духовный, преподавательский, общемедицинский, военный, правовой, дипломатический, деловой, пиарный, спортивный и другие виды официально установленных дискурсов (Р. Водак, В.И. Карасик). Как конкретное действие дискурс не локализуется в пространственные и временные рамки. В результате анализа дискурса выявляются черты того или иного типа, проявляющиеся при разных событиях. Этот тип дискурса называют дискурс-репрезентация, или общий дискурс. Следовательно, репрезентивное событие и есть условие существования дискурса, а сам дискурс-реализация в речи репрезентативного события.

Некоторые ученые (Р. Барт, И. Беллерт, В.В. Богданов, А.Ж. Греймас, Ж. Курте, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.А. Миловидов, А. Андреева, В.В. Богданов) соотносят дискурс с понятием «текст». Лингвисты рассматривают соотношение этих понятий в рамках структурно-текстового подхода. А.Т. ван Дейк рассматривал это

соотношение как связную общность предложений. При этом термин «дискурс» понимается по-разному. Это обусловлено тем, что этот предмет изучают в различных дисциплинах: лингвистики, литературоведении, синтактике, прагматике, социолингвистики и других. Традиционно под понятием «дискурс» понимают текст, который целенаправленно воздействует на субъект с помощью прагматических, социальных, языковедческих факторов [Арутюнова 1998: 136-137].

По мнению В.З. Демьянова дискурс представляет собой несколько предложений или частей текста, а содержание зиждется на опорном значении, который называется «топиком дискурса» или «дискусным топиком» [2002: 32-34]. Одиночные предложения – это части дискурса, которые образуют семантическую константу.

Между дискурсом и текстом есть определенная общность, однако надо учитывать какого рода этот текст. Он может состоять из коммуникативных единиц языка: предложений и их объединении в более крупные смысловые части. Иными словами, дискурс это не только последовательность предложений, связанных по смыслу между собой, но и определенное семантическое единство, обладающей комплексом связанных между собой понятий, центральными из которых являются понятия значения и смысла. В семантической связности синтаксических единиц проявляются различные знания: о жизни, о ситуации, социальные, философские, культурологические знания.

В начале 1980гг. начали различать понятия текст и дискурс. Понятие текст более абстрактная, формальная конструкция, а дискурс- это формы актуализации, изучаемые с понятий внутренних мыслительных процессов или в тесной связи с речевыми факторами. В связи с этим М.Я. Дымарский предложил «развести» указанные понятия, что оказалось совсем не просто [2006: 35].

В результате этого паритета предложено разное понимание дискурса, хотя существует разная интерпретация текста. Интерес к изучению текста

как синтаксической единицы обнаружился у лингвистов в 1920-1930гг. Отечественная лингвистика наиболее активно начала изучать текст в 1960-м году, что привело к созданию речеведческой теории текста. (Н.Ю. Шведова, Е.В. Падучева, С.И. Гиндин, М.И. Откупщикова, И.Р. Гальперин, Б.М. Гаспаров, З.Я. Тураева, Е.А. Реферовская, И.И. Ковтунова).

Несмотря на то, что текстовые виды были хорошо разработаны, вопрос связи текста и дискурса интересовали многих ученых. Учитывая объем этих положений, они обозначили два варианта взаимодействия: 1) дискурс тождественен тексту; 2) дискурс не тождественен тексту. Рассматривая первый случай, ученые интерпретировали дискурс и связный текст (или совокупность текстов) как одинаковые понятия (Н.Д. Арутюнова, Р. Барт, П. Серио, В.А. Тырыгина). Р. Барт называет связным текстом (*discours*) «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку (*langue*)» [1978: 443-444].

Второе понимание дискурса рассматривают шире текста, в связи с тем, что дискурс состоит из многообразных соединений текста и различных речеведческих факторов. Текст понимается как часть (рифф) дискурса, его единица или определенная среда существования дискурса (В.А. Звегинцев, В.В. Богданов). Также текст можно рассматривать как конкретный итог работы дискурса (Р. Барт, Е.С. Кубрякова, П. Сгалл). В.А. Миловидов, В.Е. Чернявская рассматривают дискурс как ход построения текста и восприятия текста, как «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [2007: 117].

Сравнение текста и дискурса дает возможность конкретизировать эти понятия, обозначить их взаимосвязанность, установить формат для анализа

дискурса, рассматриваемого как ход текстопостроения и разделяющие признаки, которые отличают друг от друга эти два понятия. В качестве разделяющих признаков выделяют: нормативность, присоединение ко времени, важность, исполнение в устной и письменной форме. Таким образом, дискурс отличается от текста по таким признакам как: 1) по признаку присутствия нормативности «Лингвистика максимально сузила содержание понятия «текст», ограничив его только материальной стороной, и оставляя процессуальность для исследователей дискурса» [Ожегов 1987: 7]. Данное качество понимается как работоспособность/системность, продукт, динамичность/статичность (М.Л. Макаров, Л.С. Чикилева). В соотношении с ними разделяют системный текст как результат и эргономичный дискурс как развитие; 2) по признаку наличия/отсутствия присоединения ко времени. М.Я. Дымарский отмечает «невозможность существования дискурса вне прикрепленности к реальному, физическому времени, в котором он протекает» [2006: 39]. В таком понятии текст не прикрепляется ко времени и их отношения predetermined; 3) по признаку наличия/отсутствия важности текста на данном этапе современности. Таким образом, дискурс, понимаемый как речь «погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), не употребляются с древнерусскими текстами, так как невозможно соотнести их с данной ситуацией. Иными словами, признаком дискурса является значимость его для данного момента действительности;

Получается, системно-текстовый подход к пониманию дискурса переносит внимание на текст как одну из важнейших его составляющих. Особое значение имеет понятие положение текста в дискурсе. «В динамическом пространстве дискурса текст занимает центральное положение: он может быть определен как «свернутый» дискурс» [Андреева 2006: 6].

Важно отметить разницу между выражением и дискурсом. Это касается самих понятий. Единицей дискурса является высказывание

(выражение), а сам дискурс – комплекс высказываний, обмен ими (по Р. Якобсону). Во вторых, возможность использования выражений и достижения ими адресата различна. Сравнивая высказывания и дискурс, Т.Б. Гуляр отмечал: «если в высказывании допускается только единичное попадание/непопадание в цель, то дискурс допускает корректировки, изменение первоначальной задачи...» [1993: 37-43]. Следуя этой мысли, нужно добавить, что речевая цель в пределах дискурса зарождается, формируется, осуществляется, модифицируется несколько раз, а в пределах высказывания можно достигнуть только одной речевой цели.

Действительно, некоторыми лингвистами дискурс трактуется как речевое действие, как процедура воплощения речевого замысла говорящего и понимание его слушающим в данной речевой действительности, т.е. на первое место выступает референтивная функция языка. Таким образом, речевое поведение говорящего и есть определенный дискурс, который рассматривается «во всей полноте своего выражения (словесно-интонационного и паралингвистического) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» [Васильева 1996: 34-35].

Условием этого понимания дискурса можно считать возникающую в определенных условиях теорию аудивной деятельности австрийского ученого Карла Бюлера, которую он изложил в работе «Теория языка» [Гуляр 1993: 37-43]. Он представил «схему четырех полей», каждое из которых соответствует определенной стороне рассмотрения языка: 1. а) речевое действие; б) речевой акт; 2.а) языковое произведение, б) языковая структура. Это говорило о наличии у субъектов вербальной деятельности, саму ситуацию и язык, который выполнял три функции: выразительно-эмоциональную, побудительную, представленную. Эти функции продиктованы определенной речевой ситуацией: на отправителя, на получателя и на действительность; К. Бюлер выделял взаимосвязь

предметов, ситуаций, знаков, о которых говорится в высказывании. Все это предугадало многие пути подхода к языку: «тенденции к интердисциплинированности, прагматизации языковедческих исследований, стремления учитывать «человеческий фактор» в речевой деятельности» [Бюлер 2000: 24].

В результате исследования речи выяснились основные ее проблемы и направления; образовался новый лингвистический подход в создании речи как системы научной дисциплины. Ученые рассматривали в качестве предмета не язык, а речевую деятельность. Эта теория нашла отражение в работах А.А. Леонтьева [1974: 329]. Он определял различные признаки речевого взаимодействия. Во главу угла ученый ставил цель, задачи и внутреннюю структуру речи; дал объяснение референтивной ситуации. А.А. Леонтьев считал, что конкретный и возможный объект станут предметами активного взаимодействия как участники коммуникации (они же получатели и отправители информации). Также существуют инерционные участники: субъекты, с которыми взаимодействуют активные участники референтивности (они не участвуют в речевой деятельности) [1974: 82].

В структуру вербального действия было включено три элемента: 1) элемент направленности, который зависит от местоположения речевого действия во всеобщей парадигме деятельности; 2) элемент планирования. Который существует в языковом шифре; 3) элемент реализации в языковом шифре. Путь действия, настоящий опыт, мотивация, возможности: все это факторы, определяющие речевое намерение. А реализуют его речеведческие векторы (язык, степень владения речью, стилистические и функциональные особенности).

В подтверждение сказанного можно привести высказывание Ю. Руднева: «Дискурс – такое измерение текста, взятого как цепь/комплекс высказываний (т.е. как процесс и результат речевого (коммуникативного акта), которое предполагает внутри себя синтагматические и

парадигматические отношения между образующими систему формальными элементами и выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания, ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста» [2016: 10]. Еще один вид дискурсивной модели, который включает в себя изучение человека как биологического вида, фундаментируется на мысли о том, что в дискурсе в основном показывается физическое состояние человека, поэтому важная роль в этом принадлежит языковому субъекту, а сам дискурс ставит человека центром вселенной.

А.А. Кибрик и В.А. Плунгян понимают дискурс как наиболее широкое понятие, чем текстили речь по отдельности: «Под дискурсом можно понимать одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат» [1997: 276-339]. Так, дискурс имеет следующий порядок: с одной стороны он связывается с понятием речи, потоком речи, сложной синтаксической общностью, текстом, завершенным речевым продуктом, а также трактуются коммуникативным соответствием. Эта сторона дискурса выражается в языковой организации и совокупности написанных текстов.

Вторая сторона дискурса затрагивает умственные способности участников речевой деятельности: социальные, психологические, этнические понятия и установки, а также возможность понимания и создания речи. Поэтому дискурс представляет собой связный текст с различными факторами: сверхлингвистическими, социокультурными, психическими и другими.

Значимым для современной теории дискурса является и определенное «разделение» в оценке его параметров с точки зрения литературоведения и лингвистики. Так, в литературоведении исследуют основные структуры дискурса: построение сюжета, композиции; определение мотивов, жанров. Получается, что дискурс рассматривается с точки зрения литературоведения. Лингвисты же занимаются изучением микроуровня: изучают отношения между знаками в рамках знаковой

системы; значение языковедческих единиц; отношения между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется. В частности понимания специфических понятий (филологическом, политическом, искусствоведческом) и сопоставления их с обыденным языком.

1.3. Основные подходы к классификации дискурса в современной лингвистике

При изучении дискурса важно знать его классификацию. Так, В.И. Карасик определяет два вида дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) дискурс [1993: 3]. В первом типе объект представлен личностью с богатым внутренним миром: думающим, понимающим, чувствующим. Второй тип – это представитель какой-то социальной группы. Индивидуальный дискурс делится на два вида общения: бытовое и бытийное. В первом аспекте специфика отражена в разговорной речи. Во втором – представлен преимущественно монолог в произведениях художественной литературы. Общение в рамках статусно - ролевых отношений определяется целями и участниками общения.

Для каждого типа дискурса характерен определенный набор правил, которые он требует выполнять, и действует в определенной социальной сфере. Для того чтобы исследовать тот или иной тип дискурса важно соблюдать структуру, которая наиболее предпочтительна для дискурса данного вида. Например, в деловых ситуациях применяется стиль официального общения. Он насыщен официальными словами, точными фразами, сложными грамматическими предложениями.

Типы дискурса разграничиваются в основном по степени формальности общения, а также в результате противопоставления письменного и устного видов дискурса. Помимо двух основных разновидностей дискурса (письменной и устной) важно отметить и мысленную. Человек пользуется языком, не только воспроизводя

различные звуки и оставляя знаки речевой деятельности, но и мысленно. В таком случае язык тоже используется коммуникативно, но индивид сам является и субъектом и объектом размышления.

Ввиду того, что не видны проявления мысли, этот вид дискурса изучен наименее всего. В традиционной терминологии мысленный дискурс называют «внутренняя речь». Наиболее известные работы по ее изучению принадлежат Л.С. Выготскому. Существуют и более частные разграничения между типами дискурса. Они понимаются с помощью жанров. В литературоведении изначально использовались следующие виды литературных произведений: эссе, новелла, повесть, роман и другие. Более широкое толкование понятия «жанра» предложил М.М. Бахтин. Он показал, что жанр распространяется на разные речевые произведения, а не только на литературные [1975: 500].

В настоящее время жанры широко используются в дискурсивном анализе. Однако полной классификации жанров нет, но выделяют беседу, рассказ, роман, стихотворение, инструкцию по изготовлению приборов, интервью, доклад, репортаж, проповедь, выступления на различные темы. Жанровая принадлежность изучена недостаточно. Дж. Байбер, американский лингвист, в своих исследованиях доказал, что устойчивые характеристики для многих жанров выделить сложно. Ученый предложил рассматривать жанры как культурные инновационные идеи, не имеющие прочных языковых характеристик; использовать различные свойства языковой системы: форм прошедшего и будущего времени, причастий и деепричастий, личных местоимений, порядковых и составных числительных и т.п.

Телепередача, телефонный разговор, печатные издания, переписка по электронной почте, радиопередача – это все разновидности современного дискурса, как основного типа носителя информации.

§2. Художественный дискурс и основные аспекты его лингвистического описания

Художественный дискурс отражает культуру какого-либо этапа исторического развития общества. Он явно отличается от других видов дискурса, и это является главным в его исследовании. Механизм взаимодействия местных для культуры понятий определяет понимание художественного дискурса. Важным для понимания художественного текста будут отличительные особенности его строения. Художественный дискурс представляет собой речевое действие, которое не обязательно будет содержать в себе предмет обсуждения, различного рода высказывания, шантаж, запугивание, клятву, завет, которые приемлемы для межличностного общения. Художественный дискурс преследует другую цель. Ее можно выразить следующим образом: автор оказывает влияние на внутренний мир читателя как субъекта (под внутренним миром понимается личностная позиция, ожидания, стремления, намерения) с целью повлиять на него, изменить его взгляды. Из выше сказанного следует, что возможно объединить дискурсы, но главное отличие художественного — исключительность специфики и объема текста. Русский лингвист Н.Л. Галева так рассуждает об этой цели художественного дискурса «Текст, содержащий параметр художественности, пробуждает рефлексию, приводящую к образованию некоторого пространства понимания, где рефлексия фиксируется в виде духовных сущностей – смыслов, идей, которые в свою очередь, способны обогащать духовное пространство человека. Под духовным пространством понимается при этом совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов» [Галева 1999: 90].

Художественный дискурс — это дискурс героев и писателя, который подчинен образному общению. Ю. Лотман указал на важнейшие

специальные признаки художественного вида дискурса: личность выступает содержанием сообщения. Рассказ в художественном дискурсе приобретает характер понимания личностью своей целостности. Ученый приходит к выводу, что художественный дискурс – это не новый образ мыслей, а новый язык данного времени. Взаимодействие текста и реального читателя тоже можно рассматривать как художественный дискурс. Текст будет существовать только в процессе восприятия его читателем, при обязательном понимании той части информации, которую мы называем подтекстом. Многие ученые выделяют то, что к художественному дискурсу можно применить несколько видов классификаций. Г. Почепцов относит его к безадресному подвиду письменного типа дискурса [1991: 155]. Делая выводы из вышесказанного, отмечаем, что понятия «художественный дискурс» и «художественный текст» тесно связаны с друг с другом. При изучении того и другого следует учитывать этот порядок. Художественное произведение воздействует на читателя не только при помощи влияния на его мысли и чувства (Д. Остин в своей теории речевых актов называет это «перлокутивные акты») [2005: 168], но и с помощью репрезентативных актов, которые формируют «художественную реальность».

В художественном тексте используются смысловые и речевые средства, которые описывают речевую ситуацию, призванную рассказывать читателю о каких-либо событиях, а также воздействовать на его мысли и чувства. Это есть главная особенность художественного дискурса. В этом аспекте важно рассмотреть концепты содержательной стороны словесных знаков (понятий о различных сферах существования личности). В художественном тексте, в зависимости от позиции автора/героя произведения, выделяют главные концепты. Они вносятся в текст в зависимости от мировоззрения автора или ситуации, в которой происходит действие, событие. Эти понятия образуют в понимании читателя свои

определенные элементы, которые связываются между собой и образуют новые понятия, отличные от авторских.

Под речевыми средствами художественного текста понимают лексику и тропы, которые употребляет автор. Они же являются выражением отношения автора к читателю.

Выделяют разные механизмы воздействия на читателя в исследуемом произведении. Один из главных – это определенная структура построения художественного текста. И.Р. Гальперин выделил два типа членения: объемно-прагматическое и контекстно-вариативное членение [2007: 148]. Особую позицию занимает первый тип, в котором делается акцент на субъективную позицию при передаче факта. Их называют: авторская позиция, точка зрения персонажа, представление реальной ситуации и т.д. Чаще всего употребляют термин «точка зрения», который соединяет в себе все перечисленные выше акценты. Такую теорию предложил Б.А.Успенский. Он также говорил, что от расположения субъекта, воспринимающего речевую ситуацию (его точки зрения) зависит контекстно-вариативное членение текста.

Получается, что художественный дискурс – один из самых сложных в теории дискурсов. Практически каждый языковед, учитывая ту или иную сторону, трактует его по-своему. Художественный дискурс – это воплощение словесного общения, которое кроет в себе предметно-последовательную, живописную, образную, чувствительную, и оценочную информацию, которая объединяется в содержании текста как единое целое. Ученые определяют художественный дискурс к разным видам дискурсов, и в каждом из них выполняется своя особая функция. По своему внутреннему содержанию дискурс носит в себе отпечаток культуры во временном ее развитии. Художественный дискурс помогает объединению знаний, это позволяет полно понимать текст. Идеологически правильно оформленная речь личности создает коммуникативное поле определенного направления в науке или искусстве, а при взаимодействии с другими

участниками вербальной деятельности создается дискурс в самом общем его смысле.

§ 3. Экспрессивно-стилистические параметры художественного дискурса как объект исследования современной лингвистики

Одной из наиболее часто исследуемых категорий современной лингвистики является экспрессивность как средство стилистического своеобразия художественного текста. Формирование «языковой личности» является основным интересом лингвистической науки. Язык здесь не только средство взаимодействия субъекта и объекта, но и процесс становления личности. На поведение и духовную деятельность человека оказывает серьезное внимание экспрессивность как обязательное свойство речи. Она показывает речевые стремления автора и становится одним из средств речевого воздействия на читателя.

Экспрессивность является общеязыковой категорией и взаимодействует со всеми сферами языка. Количество выразительных средств ее невероятно велико. Экспрессивность по лингвистическому энциклопедическому словарю это: «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [Арутюнова 1998: 78]. Основополагающие лингвистические категории и экспрессивность связаны между собой. Наиболее тесно экспрессивность взаимосвязана с эмоциональностью. Очень часто эти понятия используются как синонимы или их разграничение представляется непринципиальным и незначительным (О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, В.Г. Гак, А.Н. Гвоздев, В.А. Звегинцев и др.).

Эти две категории находятся в непрерывном пересечении. Широкий спектр эмоциональной экспрессивности является общей частью их содержания. Лишь компоненты, связанные, с одной стороны, с передачей

эмоций, а с другой стороны с неэмоциональной, «логической» экспрессивностью, являются непресекающимися сферами. Экспрессивность также связана с образностью, изобразительностью, способностью оказывать воздействие на читателя или слушателя.

Наиболее ярко выражает экспрессивность экспрессивный синтаксис. Изучение данного термина принимает все большую актуальность в современной лингвистике. Это связано с изучением структуры текста, речевой деятельности субъекта, взаимоотношений говорящего и слушающего, аспектов разговорной и устно-диалогической речи, звуковых средств усиления выразительности речи. Многие ученые отмечают важность исследования художественного дискурса с точки зрения экспрессивного синтаксиса. Академик В.В. Виноградов в круг необходимых исследований по стилистическому синтаксису включал «проблему экспрессивных — выразительных, изобразительных — оттенков, присущих той или иной синтаксической конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций» [1981: 105].

Экспрессивный синтаксис обладает большими возможностями усиления и ослабления речевого высказывания. На письме для этого служат знаки препинания, а в устной речи — эмфатическая интонация (от греч. эмфазис — указание, выразительность). Однако и то и другое определяется синтаксическими особенностями высказывания. «Экспрессивный синтаксис» уточняют словом «стилистический синтаксис». Этот термин обозначает учение построения выразительной речи с помощью потенциальных возможностей общенародного языка.

Общей задачей экспрессивности является выражение или стимуляция субъективного отношения к сказанному. Со стороны автора — это усиление высказывания, отступление от речевого стандарта. Выражение психического состояния пишущего, его эмоциональности и есть экспрессивность. Многие тропы и фигуры определяют построение высказывания в эмоционально окрашенной речи

Их художественной литературы человек получает много знаний об окружающем мире. Он впитывает в себя те эмоции, которые передает автор. Стилистические приемы являются существенной стороной художественного текста, дискурса. В соответствии с этим основная функция стиля художественной речи – это использование языковых и специфических стилистических средств.

Таким образом, экспрессивно-стилистические параметры определяют художественный дискурс определенного автора.

Глава 2. ОСНОВНЫЕ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА САШИ ЧЁРНОГО

§1. Экспрессивная функция оценочной лексики в произведениях Саши Черного

В современном мире люди все заметнее и активнее выражают свои эмоции. В политике, культуре, быту, образовании они стали обязательной составляющей языкового сознания, мышления. Скорее всего, все это объясняется серьезными изменениями в мире, международными контактами, проявлением скрытой и открытой агрессии как внутри одной страны, так и между разными народами. Это объясняется и различными катастрофами (природными, техногенными, политическими, социальными), свободным общением людей, тотальным эмоциональным раскрепощением. Сегодня человек не боится открыто проявлять свои эмоции в языковой и внеязыковой форме.

В настоящее время существует постулат, что эмоции являются движущей силой сознания и языкового поведения человека, люди не могут

обойтись без эмоций. Значительная часть научных исследований посвящена референтивной лингвистике, вопросам изучения эмоций и их положения в речи. Получается, что сам язык называет человеческие эмоции, комментирует, классифицирует, описывает, стимулирует, определяет им структуру, формирует эмоциональную картину мира. Объектом и инструментом изучения эмоций является тоже язык.

Для развития языка экспрессивность и эмоциональность являются движущей силой, так как создают новые средства для говорящего или пишущего. Это способствует наиболее четкой передаче мысли. Экспрессивность же позволяет воплотить в речь саму сущность личности. Именно это особенно важно для художественного текста.

Основоположник современного исследования экспрессивных возможностей речи Ш. Балли считает, что с помощью эмоционального восприятия действительности возможно передать свое видение мира читателю. А это и есть экспрессивность речи. Наличие многочисленных экспрессивных средств Ш. Балли выводил из «ассоциаций порожденных присутствием в памяти выражений, аналогичных данному, создающих своего рода бессознательную синонимию» [1961: 393]. По мнению ученого соединение семантико-стилистических признаков языковой единицы, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средства субъективного выражения отношения говорящего к содержанию и адресату есть экспрессивность, которая свойственна единицам всех уровней языка [Гридин 1990: 591]. Экспрессивность – это все то, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей [Галкина- Федорук 1958: 107] - морфологические, лексические, фонетические и синтаксические единицы языка; стилистические конструкции, повторы, аллитерация, инверсии.

В науке о значении слов, их выражений и модификаций (семасиологии) особое внимание уделяется экспрессивно окрашенной лексике, ее значению. Эта наука разграничивает понятие слов

экспрессивность и эмоциональность. Экспрессивность – это слова, называющие эмоции; эмоциональность - слова, вызывающие чувственную реакцию читателя (реципиента). «Последняя категория слов рассматривается учеными сквозь призму системного описания значения и, таким образом эмоциональность, теряет коммуникативную самостоятельность, становится экспрессивно – синонимической» [Виноградов 1967: 156; Звегинцев 1973: 43; Балли 1961: 127].

Экспрессивную окраску слов можно раскрыть лишь с учетом функционального аспекта значения, которое предполагает включение категории субъекта речи и его коммуникативную направленность (отношение автора к читателю, субъекта к действительности). Таким образом, только в рамках прагматики можно рассматривать соотношение экспрессивности и эмоциональности. Способ применения выразительных средств языка и соответствие коммуникативному замыслу говорящего всегда является центром внимания стилистики.

Стилистика исследует экспрессивность по четырем направлениям: 1) описательная стилистика или стилистика языка, анализирующая большие классы текстов, центром внимания которой является стилистическая окраска языка; 2) стилистика индивидуальной речи, исследующая тексты, принадлежащие определенному лицу (субъекту), а также способы организации целостного, связного и эмоционально окрашенного текста; 3) сопоставительная стилистика, исследующая перевод текстов различного характера; 4) стилистика, рассматривающая экспрессивность текста и его эстетическую ценность [Тюленев 2004: 179]. В последнем случае экспрессивность рассматривается с точки зрения различных способов речевого воздействия и может быть истолковано по-разному: 1) экспрессивность как стилистическая и лексикологическая категория; 2) языковая природосообразность экспрессивности (действие через механизмы языка с эффектом проявления в тексте (речи). В связи с

этим следует отметить, что двойственную породу экспрессивности: речевую и языковую.

Отношение субъекта к высказываемому есть экспрессивность, которая предполагает наличие оценочности и эмоциональности. [Шаховский 2009: 677; Вафеев 2010: 179]. Чтобы не смешивать эти категории важно понимать в чем их отличие. Эмоциональность – это «проявление в речи чувств и настроений говорящего по отношению к действительности или, другими словами, субъективное отношение к действительности». Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики [Нелюбин 1990: 301].

Языковые средства, с помощью которых передается эмоциональность, как правило: междометия, синтаксические фигуры (эллипс, повтор, инверсия). Зачастую только в определенном контексте проявляется эмоциональное значение слова, которое передает настроение говорящего. Существуют формальные структурные элементы, передающие эмоции носителя языка. К таким элементам относятся уменьшительные суффиксы, усеченные суффиксы, слова, потерявшие свое денотативное значение (предметно-логическое). К ним относятся вульгарные слова, бранные слова, проклятия, нецензурные слова. Фамильярно-разговорный подстиль является ярким примером эмоциональности. В нем в избытке находятся повторы, гиперболы, междометия, переспросы, усеченные слова, оценочная лексика [Аванесова 2010: 5-9].

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что категория экспрессивности включает в себя эмоциональность, интенсивность, оценку. Таким образом эмоциональность – это часть экспрессивности. То есть экспрессивность всегда выражает чувства говорящего по отношению к действительности или субъекту. Необычность экспрессивной речи выражается в использовании фонетических, лексических, грамматических или стилистических средств. С их помощью дается отрицательная или положительная оценка действиям, объектам или тексту в целом.

Экспрессивность – категория, которую приобретает слово в данном речевом контексте или «внутренне присущая данному одному слову (или выражению) как элементу языка» [Ахманова 2007: 523].

Теперь рассмотрим что такое экспрессивно-оценочная лексика. Л.Л.Касаткин объясняет ее так: (от лат. *expressio* – «выражение») – «слова, отражающие эмоциональное отношение говорящего к действительности, к содержанию или адресату сообщения». Оценочная лексика имеет разные виды выражения. Так, экспрессивность может быть выражена с помощью фонетических средств (*фрукт* — о человеке), в определенном ударении (красавéц), в эмоциональных морфемах (*щин(а)* – *чин(а)*: *азиатчина*, *уголовщина*, *бульварщина*). Здесь мы видим взаимодействие разных языковых уровней: грамматического, фонетического, лексического. Не всегда формально выражается экспрессивная значимость оценочной лексики. Это «та эмоциональная или оценочная окрашенность значений, которая остается в них за вычетом объективного содержания» (В.Н. Телия). Она сильнее видна при сопоставлении синонимов, один из которых будет нейтральным. *Писать* – *кропать* (писать неумело, с трудом). Оценочная лексика характерна для художественного или разговорного стиля и не может употребляться официально - деловом и научном стилях. Оценочные слова широко представлены в просторечии, жаргонах и диалектах. Л.Л. Касаткин в литературном языке выделяет три группы эмоционально-оценочных слов: 1) элемент отрицания, заключенный в значении слова (*брюзга* — имеющий обыкновение надоедливо ворчать); 2) переносное название человека (*колода*, *корова*, *орел*, *теленок*), 3) использование суффиксов субъективной оценки (*бабуля*, *мамочка*, *старикан*, *старичок*). Особую позицию в оценочной лексике занимают экспрессивы. Например, *вякнуть* — 1) «сказать что-либо не к месту»; 2) «сказать что-либо невнятно, отрывисто»; 3) «сказать что-либо высоким голосом»; 4) «сказать что-либо вздорное»; 5) «сказанное неавторитетным человеком».

Оценочная лексика является одним из важных средств выражения иронической оценки в дискурсе Саши Черного. Поэт использует разнообразные прагмемы, одни из них дают эмоционально-эстетическую оценку внешности человека, в основном отрицательную.

Автор указывает на безобразное лицо: *чучело*, *мурло* (груб.-прост.); непропорциональную фигуру, высокий рост, худое телосложение, несоразмерность частей тела: *дылда* (груб.-прост.), *верзила* (шутл.-ирон.); внешний неаккуратный, неряшливый вид: *растрепан*, *фефела* (разг.-пренебр.), *оборванец*, *голодранец* (груб.), *капцан*, *босяк* (презр.-уничиж.), *дервиш* (устар.):

*Царь-колокол зевает старой раной,
Царь-пушка зев уперла в небеса,
Как арбузы, – охвачены нирваной,
Спят ядра грузные, не веря в чудеса –
Им никогда не влезть в жерло родное
И не рыгнуть в огне, свистя и воя...
У Красного крыльца, в цветных полукафтанных,
Верзилы певчие ждут, полы подобрал (Бегство).*

В данном отрывке четко видна грустная ирония жизни, где все дремлет (*сонно*, *зевает*, *спят ядра*). Сатира строится на противопоставлении «высокого» и «низкого»: высокий размер (*царь-колокол*, *царь-пушка*, *верзилы*), «сниженная» окраска слов: *царь-колокол*, *царь-пушка*, *нирвана* // *верзилы*, *рыгнуть*.

Поэт обличает физические свойства человека, выражает неодобрительное отношение: *паралитик*, *инвалид*, *импотент*, *урод*, *слепец*, *кастрат*:

*За окном непогода лютеет и злится...
Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.*

*Были яркие речи и смелые жесты
 И неполных желаний шальной хоровод.
 Я жених не пришедшей прекрасной невесты,
 Я больной, утомленный урод.
 Смолк. А буря все громче стучалась в окошко,
 Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
 И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
 «Брат! Подвинься немножко».*

В стихотворении «Интеллигент» отражается авторская оценка и самооценка: «я» объект и «Я» - субъект (сочетаются внутренний и внешний взгляд). После поражения революции рушатся все идеалы интеллигента, он нищает духом. Автор раскрывает его никчемный внутренний мир. Примирившись с торжеством реакции, он принял позу «мученика», уставшего от разочарований и рухнувших надежд.

Слово *урод* указывает не на физическое состояние человека, оно показывает моральную и духовную опустошенность. Природная картина соединяется с психическим состоянием лирического героя и выполняет роль интерьера: «за окном непогода лютует и злится; а буря все громче стучалась в окошко».

Отрицательное описание (*урод*) противопоставляется положительной оценке жених... прекрасной невесты, здесь же автор по-дружески обращается к близкому человеку.

Поэт иронизирует над явным злом и обличает собственное бессилие, он не может противостоять ему и сказал «я, краснея, тоскуя и злясь...».

Немало сатирик использует оценочной лексики, характеризующей поведение человека: поведение, обусловленное внутренними свойствами человек (*шутник, щеголь, вертопрах* (устар.), *фланер* (ирон., пренебр.), *кокотка, мам-зель, сноб, бездельник* (разг. бран.), *лентяй, лежебока* (разг.), *хлыщ, хлыст* (прост.не-одобр.), *франт, размазня* (разг.), *слюнтяй* (разг., презр.); – поведение, характеризующее отношение к другим людям (*ханжа*

(прост., устар.), *каналья, негодяй* (груб.-прост., бран.), *невежа, хам* (разг.), *наглец, нахал, подлец, пошляк, моветон*); поведение, характеризующее психоэмоциональное состояние человека (*нытик, привередник, дикарь, злодей, чудовище, садист*).

Встречается в текстах и бранные оценки внешности человека. Они, конечно же, образны и относятся ко вторичному типу характеристики:

Торчат усы и чванно пляшут шпоры.

Острые бороды бездельников-дельцов.

Сереет негр с улыбкою обжоры.

И нагло ржет компания писцов (В Пассаже).

Оценки лица: бездельники-дельцы, обжоры автор использует, чтобы подчеркнуть свое презрительное отношение к лирическим героям. С помощью этих слов-прагмем он характеризует общество, указывает на внутренний «распад» героев: «приверженность чувственным наслаждениям», «переедание» (обжора), «физическая пассивность» (бездельник), «изворотливость» (делец), «самоуверенность» и «наглость» (чванно, нагло) – признаковые оценки.

С помощью метонимии поэт заменяет людей «усами» и «шпорами», показывает их внутреннюю пустоту и ограниченность. Помимо этого автор использует прием столкновения положительного и отрицательного по признаку «активности – пассивности», тем самым показывая презрительное отношение к данному обществу. Антонимы (бездельников-дельцов), оценивающие жизненную позицию людей, становятся, своего рода, оксюмороном.

В творчестве Саши Черного прослеживаются прагмемы, которые характеризуют умственно ограниченных людей, наивных, недалководидных. Они тоже получают отрицательную оценку автора: *тупица*(разг.), *олух* (прост.), *болван* (бран.), *глупец, остолоп* (бран.), *дурак* (разг.), *дуралей, идиот*.

В стихотворениях «Дурак», «Безглазые глаза надменных дураков...», «Пред каждым дураком душа пылает гневом...», отдельные зарисовки под общим названием «Вешалка дураков», «Карнавал в Гейдельберге», «Анархист» часто употребляется слово «дурак». Автор испытывает презрительное отношение к Дураку - категории вечной и далеко не безобидной. Именно глупость, по словам поэта, «все ценности превращает в карикатуры: вместо гордости у нее наглость, вместо общественности – стадность; вместо искусства – любопытство, вместо любви – флирт, вместо славы – успех» [Черный Саша 1910: 4].

Дурак рассматривал картину:

Лиловый бык лизал моржа.

Дурак пригнулся, сделал мину

И начал: «Живопись свежа...

Идея слишком символична,

Но стилизовано прилично».

(Бедняк скрывал сильнее всего,

Что он не понял ничего) (Вешалка дураков, 4).

Размышления автора о «герое нашего времени» передает одноименное стихотворение:

Наше время, подлое и злое,

Ведь должно было создать нам наконец

Своего любимого героя, –

И дитя законнейшее строя

Народилось... Вылитый отец!

Наш герой, конечно, не Печорин, –

Тот был ангелом, а нам нужнее бес:

Чичиков для нас не слишком черен,

Устарел Буренин и Суворин,

И теряет Меньшиков свой вес.

Здесь на первый план выступают «конечные» (телеологические) характеристики персонажей: *фанатик, черт* (прост.), *сатана* (прост.), *бес* (прост.), *ведьма* (бран.), *дьявол* (прост.), *демон*.

Герой времени – это объект оценки автора, который оценивает действительность мира, в котором он живет и творит. Ирония построена на противопоставлении: *ангел, дитя, любимый герой // время подлое и злое, бес*. Герой времени - это бес – «в суеверном представлении: *злой дух, искушающий человека; нечистая сила, черт*» [Евгеньева 1981-1984: 80]. В тексте звучит язвительная ирония автора не только по отношению к объекту оценки – герою времени, но и действительности, сотворившей его.

Отдельной группой является лексика, характеризующая человека по роду деятельности: *разбойник, мошенник, шулер, шпион* (неодобр.), *бандит, жулик, тюремщик, палач, провокатор, надзиратель, шаромыжник* (прост., бран.) *казнокрад, сутенер, евнух, проститутка*:

Когда раскроется игра –

Как негодуют шулера!

И как кричат о чести

И благородной мести! (Честь).

В большинстве своем это бранные слова, с помощью которых автор намеренно осуждает собеседников.

В своих текстах Саша Черный широко использует оценочную лексику, референтом которых является признак предмета, характеризующий человека с разных сторон. Данные прилагательные характеризуют внешний вид объекта, показывают его физические отклонения (*худосочный, чахлый, хилый, больной, хлипкий, горбатый, сморщенный, слепой, глухой, безглазый*), отклонения от идеала эстетического (*безобразный, ужаснейший, гадкий, мерзкий, отвратительный*); характеризуют поведение человека, отклонение от идеала эстетического (*подлый, пошлый, лицемерный*), отклонения человека от идеала эмоционального (*скучный, унылый, невеселый, мрачный, хмурый,*

безжизненный, бессильный, усталый; дикий, одичалый, зверский, озверелый, злой, гневный, жестокий, суровый); интеллектуальные отклонения человека (глупый, очумелый, одуряющий, безмозглый, сумасшедший); отклонение от идеала морального (самодовольный, чванный, жеманный).

В стихотворениях Саши Черного много слов с переносным значением (знаков-коннотаций). Они выполняют оценочную и эмоционально-экспрессивную функцию с оттенком фамильярности. Например: *Свинья!*

Меня назвать свиньей? Ах, злодей!

Меня,

Который благородней всех людей

Убью!(«Ночная песня пьяницы»).

Перенос значений у поэта происходит на основе сходства по характеру движений:

«Шмит к Серовой влез в окошко...

А еще интеллигенты!

Ночью, к девушке, как кошка...

Современные... Студенты!» («Бульвары»).

Часто в своих стихах Саша Черный сталкивает противоположные по значению слова. Они выражают ироническую оценку в тексте: от юмора через горькую иронию до сарказма.

Жизнь бесцветна? Надо, друг мой,

Быть упорным и искать:

Раза два в году ты можешь,

Как король, торжествовать...

Десять дней ходи во фраке,

Нищим сто рублей раздай,

Спейся в горьком умиленье

И от радости рыдай. («Утешение»).

В этом стихотворении противопоставляются прилагательные горький - «имеющий своеобразно-едкий и неприятный вкус» и существительное и умиление – «нежное, теплое чувство, возбуждаемое чем-либо трогательным». Противоречие между лексическими значениями слов имеет негативную оценку.

Отдельную группу составляет оценочная лексика, характеризующая предметы и явления действительности замусленная (ерунда), бессмысленная (жизнь), бесформенный (мрак), обманувшая (надежда), банальнейшие (слова), хмурый несчастный (мир), проклятый (круг), безобразная (жизнь), мрачный (пессимизм), хлипкий (плач), циничный (ветер), скучный (анализ), глубокая (горечь), развратный (Петербург), унылые (сомненья), усталая (надежда), мрачные (идеи).

К именам - прагмемам отрицательной сферы (они составляют значительную группу отрицательной оценочной лексики) относятся слова, предметом которых выступает, состояние, процесс, событие. Это синтаксические варианты прилагательных и глаголов: наглость, тупость, дерзость, глупость, бездарность, бесплодие, жеманство, лицемерие, муть, безверье, блуд, презренье, проклятье, ненависть, вой, ложь, разгром, дремота.

Оценочная лексика Саши Черного включает в себя разнообразие слов-прагмем. Так, в поэтических текстах регулярно используются «гибридные слова», образованные, в основном, от прилагательных: злобно, ужасно, дико, нагло, одурело, безлюдно, мертво, лениво, цинично, безразлично, глупо, безнадежно, скучно, жутко, иронично, уныло, раздраженно, безрадостно, бездарно, глупо, позорно, нелепо, чванно.

Широко использует поэт в своих текстах слова, характеризующие действие объекта: вздор, чушь, чепуха, пустяки, дребедень, представляющие собой синонимичный ряд:

Вышей милостью труха

Хочет общей драки...

Все на свете – чепуха.

Остальное – враки...

С помощью оценочной лексики автор иронизирует над жизненной позицией лирического героя. В эту последнюю строфу стихотворного текста «Чепуха», написанного в жанре перепева, сатирик включает одиночные ролевые высказывания «я» - субъекты. Они выражают собственную точку зрения на обывательскую жизнь. Стихотворный текст строится на определенном контрасте: с одной стороны герой-обыватель старается переосмыслить жизненные ценности, с другой – «я» - субъект именуется с помощью прагмемы «чепуха» «разг. то, что не имеет никакого значения, не заслуживает внимания, вздор, чушь» [Евгеньева 1981-1984: 661] и *враки* – «прост. ложь, выдумки, вздор» [Евгеньева 1981-1984: 225] в позиции оценочных предикатов. В подтексте чувствуется авторский «перевод»: «то, что лирический герой называет, обозначает в тексте, на самом деле имеет противоположный смысл».

Для оценки психоэмоционального состояния субъекта в своих поэтических текстах Саша Черный использует особые лексемы: *скука, уныние, тоска; огорченье, грусть, печаль; мука, мучение, страдание; скорбь, транс, горе; смятенье, волненье; страх, жуть, ужас; зло, злоба, злость; гнев, ярость, бешенство*. С их помощью сатирик указывает на несовершенство лирического героя.

Положительные прагмемы встречаются в идиостиле автора редко, например, *мудрец, душечка, шалунья, счастливец, миленький, ангел; изысканный, благородный, восхитительный, прекрасный, оптимистический, приятный, свободный, простой, умный, прилично, сдержанно, любовно, восторженно, спокойно, четко, гладко, прекрасно, радостно, рай, надежда, правда, честь, красота, талант, нежность, радость*. Они предназначены, в большей степени, для противопоставления положительных и отрицательных качеств субъекта:

Веселись же хоть украдкой –

Танцы – радость, книжки – бя (Совершенно веселая песня).

Оценочные лексемы выполняют ведущую роль в иронической оценке субъекта. Они сопровождаются разными эмоциями: *осуждение, возмущение, боль, гнев, презрение, уничижение и реже – одобрение и восхищение.* С помощью оценочной лексики читатель понимает безграничные возможности поэтического слова Саши Черного.

§2. Экспрессивная модальность в поэтике Саши Черного

С точки зрения ведущих языковедов модальность – это категория присущая языку в действительности, то есть речи, поэтому она является сущностью коммуникативного процесса. Каждое сказанное или написанное предложение содержит в себе указание на отношение к действительности. Э.Н. Алиева считает, что категория модальности является постоянно действующей, она же является конституирующим признаком предложения; выражает различные модальные значения от простого повествования до эмоционально-экспрессивного, тем самым расчленяя модальность на объективную и субъективную. Грамматическое предложение и логическое суждение в процессе их рождения в одинаковой степени обслуживает модальность. Субъективная модальность представляет оценку субъекта. То есть выражает его мысли и отражает существующую действительность, включая при этом проблематическую, категорическую и простую достоверности. Разные виды эмоциональной экспрессии (угроза, возмущение, восхищение) соприкасаются с категорией модальности. В.В.Виноградов предлагает разделять эмоциональные формы высказывания и отношение говорящего к действительности, хотя эти две сферы тесно соприкасаются друг с другом. Он считает, что с помощью вводно-модальных образований модальные значения расширяются в сторону эмоционально-оценочных и логически-оценочных значений.

По мнению Ш. Балли модальность является синтаксической категорией, ведущую роль которой играют модальные глаголы. Именно

они обозначают суждение говорящего о предмете речи, имеют разные оттенки суждения, чувства, воли, выражаясь интонацией, наклонениями, формами вопроса, междометиями и другими приемами, с помощью которых поддерживается внимание собеседника.

Лингвисты рассматривают модальность как сложную функционально-семантическую категорию, которая имеет непосредственное отношение к мнению говорящего. Каждый язык индивидуален, имеет свои грамматические и лексические единицы, поэтому категория модальности представляет большой интерес в лингвистике [Алиева 2010: 25].

Наиболее интересным с точки зрения лингвистического анализа является стихотворение Саши Черного «Бессмертье». Оно входит в сборник «Сатиры», в подраздел «Нищим духом». Написано стихотворение между 1908-1912 годами, то есть до эмиграции поэта во Францию. Это стихотворение о пережитом, не просто выстраданном – о потрясшем. В нем проявилось лучшее качество поэта – тождество между личностью, жизнью и словом. Понять субъективное слово Саши Черного помогает лингвистический анализ его поэтических творений.

Бессмертье

Бессмертье? Вам, двуногие кроты,

Не стоящие дня земного срока?

Пожалуй, ящерицы, жабы и глисты

Того же захотят, обидевшись глубоко...

Мещане с крылышками! Пряники и рай!

Полвека жрали— и в награду вечность...

Торг не дурен. «Помилуй и подай!»

Подай рабам патент на бесконечность.

Тюремщики своей земной тюрьмы,

Грызущие друг друга в каждой щели,

Украли у пророков их псалмы,

Чтоб бормотать их в храмах раз в неделю...

Нам, зрячим, — бесконечная печаль,

А им, слепым, — бенгальские надежны,

Сусальная сияющая даль,

Гарантированные брачные одежды!..

Не клянчите! Господь и мудр, и строг, —

Земные дни бездарны и убоги,

Не пустит вас господь и на порог,

Сгниете все, как падаль, у дороги.

Лексика стихотворения, взятая вне текста, является нейтральной. В структуре текста она выступает как системно организованная по законам поэтической речи – по сути своей образной. Так, слово «сусальная» (*даль*) употребляется в переносном значении. Здесь речь идет об о серебрении или о позолочении поверхности в прямом смысле, а в переносном смысле это слово обозначает «*слащавый, сентиментальный*». На основе контекстуальной сочетаемости многие слова получают переносное значение и образуют тропы – эпитеты «*Сусальная даль*», «*бенгальские надежны*», «*брачные одежды*»; метафоры «*Мещане с крылышками! Пряники и рай!*», «*патент на бесконечность*» - все это создает «общую образность» сатирического текста.

Основную изобразительную функцию выполняют существительные «*бессмертье*», «*ящерицы*», «*жабы*», «*глисты*», «*мещане*», «*пряники*», «*рай*», «*тюремщики*», «*даль*». Причастия «*не стоящие*», «*обидевшись*», «*грызущие*» придают особую тональность стихотворению; особую выразительность придают экспрессивно-окрашенные сказуемые «*жрали*», «*украли*», выраженные глаголами.

Существительные, стоящие в конце строк и рифмующиеся «*кроты – глисты*», «*вечность – бесконечность*», «*тюрьмы – псалмы*», «*печаль – даль*», «*надежны – одежды*» - несут субъективную экспрессивную нагрузку. Они же образуют семантическую рамку, где просматривается

моментальность и длительность действия. Слова, начинающие строки «*полвека*», «*торг*», «*грызущие*», «*украли*». Они формируют тревожно-напряженную динамику смысловой структуры.

В поэзии Саши Черного мола приемов звукописи (звукоимитации), что относится и к этому стихотворению. Мы наблюдаем обилие шипящих «*щ*», «*ж*», «*ч*». Они появляются в следующих словах: «*не стоящие*», «*ящерицы*», «*жабы*», «*мещане с крылышками*», «*жрали*», «*тюремщики, грызущие в щели*», «*сияющая*», «*одежды*», «*не клянчите!*» Автор использует прием аллитерации; этот звук ассоциируется со змеиным шипением.

Обилие тире и восклицательных знаков передает взрывную интонацию стихотворению. Автор раздосадован, даже сердит на требующих бессмертия. Синтаксическое устройство таково, что чтение вслух данного стихотворения звучит резко, напряженно, отрывисто.

Тема стихотворения - это жажда пошлых, «*нищих духом*» и сердцем обывателей, не видящих дальше своего носа, желание личного бессмертия вследствие придавания своей персоне большего значения, оставаясь в то же время бездельными поедателями литературной, культурной, общественной жизни, «*бездарными и убогими*» «*глистами*». Идея понятна: недостойны эти люди «*мещане с крылышками*» бессмертия, так как разменивают свою жизнь по мелочам, не видят большого, а тешатся малым, не облагораживают планету и себя, а варятся в собственных мелких страстишках и делах, как «*обсосанный рак*» в скинии.

Рассматривая развитие лирического субъекта в развитии сюжета стихотворений Саши Черного можно отметить координатные изменения или «*игру в маски*». Так, в «*Послании первом*» лирический субъект наделяется автобиографическими чертами, к которому автор все также относится с иронией.

Семь дней валяюсь на траве

Средь белых незабудок,

Уснули мысли в голове,

И чуть ворчит желудок.

<...>

Лежу, как лошадь на траве, –

Забыл о мире бренном.

Но кто-то поет в голове:

Будь злым и современным...

Лирический герой стоит особняком по отношению к обитателям Гунгенбурга и наблюдает за ними. Автор добивается этого восприятия с помощью определенно-личных односоставных предложений «семь дней валяюсь на траве...», «лежу...», «забыл о мире бренном».

В первой части стихотворения наблюдается повторение звуков «с», «ч», «к», что говорит о сонном состоянии лирического героя. Но уже в конце появляются звонкие согласные «з», «ж», «б», с их помощью поэт показывает свое недовольство окружающим его миром. Стихотворение богато художественно-изобразительными средствами: сравнение «как лошадь на траве»; олицетворение «уснули мысли», «ворчит желудок». На морфологическом уровне явных повторов нет, но стоит обратить внимание на глагол «валяюсь», «забыл». В стихотворении проводится явная параллель с состоянием героя и его отношением к обитателям. Он не участник событий – он наблюдатель.

Лирический герой представлен автором как субъективный объект, с особой, его системой ценностей. Он характеризуется с помощью таких художественно-выразительных средств языка, как олицетворение, эпитет, сравнение. Автор использует различные синтаксические конструкции: определенно - личные и неопределенно-личные предложения. Также при описании субъективного объекта широко используется просторечная лексика.

Во «Втором послании» появляется маска интеллигента, характерная для поэтики Саша Черного, «Бросаю тарелку, томлюсь и завидую, /

Одеваю шляпу и галстук сиреневый / Иду в курзал на свидание с Лидою, / Худосочнойкурсисткой с кожей шагреновой»

1. С помощью односоставных предложений; глаголов 1-го лица, единственного числа; антитезы автор противопоставляет себя созданной маске, отделяясь от объекта сатиры. Однако Саша Черный выступает от имени среднестатистического интеллигента, поэтому качества этой маски присущи ему самому. А значит, его ирония – это самоирония, а «саморазоблачение – попытка освобождения» от «недуга времени» [Бенвенист 2010: 448] «Хорошо, обедаясь ледяной простоквашею, / Смотреть с веранды глазами порочными, / Как дворник Пэтер с кухаркой Агашею / Угощают друг друга поцелуями сочными»

В данном случае модальность функционирует на логико-грамматическом уровне построения предложений, расчленяя объективную и субъективную экспрессивность.

В «Послании третьем» лирический субъект вновь одевает маску среднестатистического интеллигента. Его функция теперь - наблюдать, находясь в некотором отдалении:

Ветерок набегающий

Шаловлив, как влюбленный прелат.

Адмирал отдыхающий

Поливает из лейки салат.

За зеленой оградю,

Растянувшись на пляже, как краб,

Полицмейстер с отрадою

Из песку лепит формочкой баб.

Средь столбов с перекладиной –

Педагог на скрипучей доске

Кормит мопса говядиной,

С назиданьем при каждом куске.

Бюрократ в отдалении

Красит масляной краской балкон.

Я смотрю в удивлении

И не знаю: где правда, где сон?

Языковая модальность данного отрывка понимается как прямой аналог одноименной логической модальности. Изъявительное наклонение глаголов, используемых автором, отождествляется с модальностью действительности, то есть объективной модальностью. С помощью сравнительных конструкций автор сопоставляет предметы между собой, выражая субъективное (ориентированное на говорящего) значение.

В «Послании четвертом» авторское «я» сменяется «мы», обозначая тем самым, что Саша Черный использует маску обобщенного образа интеллигента:

Подводя итоги летом

Грустным промахам зимы,

Часто тешимся обетом,

Что другими будем мы.

Дух изношен, тело тоже,

В паутине меч и щит,

И в душе сильней и строже

Голос совести рычит.

Сколько дней ушло впустую...

В сердце лезли скорбь и злость,

Как в открытую пивную,

Где любой прохожий гость.

В результате жизнь ублюдка,

Одиноких мыслей яд,

Несварение желудка

И потухший, темный взгляд.

Эта игра масок нужна автору, чтобы передать все пороки лирического героя, достовернее его обрисовать. Для этого он использует

специальные интонационные слова удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии для передачи субъективного отношения к сообщаемому.

В «*Послании пятом*» сатирик уже выступает от своего имени, открыто открывая лицо. Не скрываясь за маской, поэт восклицает: «*Все тучи, тучи, тучи... / Ругаться или плакать? / О, если бчаще солнце! / О, если б реже слякоть!*»

С помощью побудительных предложений и повторов (оптативных предложений) поэт выражает собственное желание. В данном случае скорейшего наступления солнечных дней.

Все эти персонажи вводятся Сашей Черным в круг действующих лиц «*Посланий*» с целью не только высмеять пороки современных поэту думских деятелей, но и очертить временные рамки своих произведений именами и реалиями определенного периода истории России. Так, упоминание в «*Послании первом*» турок («*А турки?.. Не в Батуме?*») относит нас ко времени, когда в прессу периодически попадали сообщения о взятии турками Батума.

Обобщая сказанное по субъектно-объектному строю «*Посланий*» Саши Черного, важно отметить, что на протяжении развития лирического сюжета цикла лирический субъект находится в постоянном движении, перемещаясь от авторского поля к геройному. При этом автор использует специальный лексико - грамматический класс слов, а также функционально близких к ним словосочетания и предложения; специальный порядок слов с вынесением главного члена предложения в начало для выражения отрицательного отношения, иронического отрицания. В зависимости от положения лирического субъекта по отношению к авторскому полю определяется степень удаленности сатирических персонажей от самого лирического субъекта. Их плотная населенность в «*Посланиях*» является свидетельством сатирического характера цикла.

§3. Лингвистический анализ произведений Саши Черного как лингводидактическая проблема

Использование текста в качестве основной дидактической единицы учебного материала является важнейшей характеристикой коммуникативно- ориентированного обучения русскому языку. Текст - основная дидактическая единица языка и речи.

Активное внимание к тексту ученые стали проявлять сравнительно недавно - со второй половины XX столетия. В энциклопедии «Русский язык» [1979: 348] сказано, что текст - это последовательность речевых единиц (высказываний, абзацев, разделов, параграфов и т.д.), объединенная смысловой связью.

Для того чтобы развить связную речь учащихся, нужно научит их воспринимать и создавать коммуникативно-ориентированные тексты в процессе трудовой, учебной, бытовой, общественной деятельности. В связи с этим к тексту стали обращаться как к дидактической единице.

Системность изучения текста как языка помогает глубоко осмыслить его строй, овладеть его закономерностями, работать над обогащением словарного запаса учащихся. Последнее, в первую очередь, связано со свободным владением лексическим богатством русского языка. Многие ученые-лингвисты уделяли пристальное внимание лексике русского языка. Этому вопросу посвящены работы Ю.Д. Апресян, О.С. Ахмановой, В.В. Виноградова, Л.Н. Гвоздева, В.А. Гречко, Ю.Д. Дешериева, Ю.Н. Караулова, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева, Л.В. Щербы и др.

В школе лексика как раздел науки о языке стала изучаться с 60-х годов прошлого столетия [Тапова 2006: 208]. При изучении лексики ученики знакомятся с системой лексических понятий, они начинают понимать связь между лексикой и грамматикой, лексикой и орфографией,

лексикой и стилистикой. Одной из важных задач учителя является обучение учащихся лингвистическому анализу текста.

Лингвистический анализ – изучение языка художественного произведения на всех ступенях лингвистики, объяснение их роли в раскрытии содержания текста. Это анализ языковых единиц всех уровней: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического, метрического (для поэзии). Необходимым условием для овладения лексическим анализом текста является обращение к экспрессивной лексике (раздел 3).

При изучении эмоциональных слов важно дать понять ученикам, что они могут не только положительную, но отрицательную оценку называемого понятия, например, *бабка*. Поэтому эмоциональную лексику называют еще оценочной (эмоционально-оценочной). Важно отметить, что понятия эмоциональности и оценочности тесно связаны, но не тождественны. Некоторые эмоциональные слова (например, *междометия*) не содержат оценки; а есть слова, в которых оценка составляет суть их смысловой структуры, но они не относятся к эмоциональной лексике: *хороший, плохой, радость, гнев, любить, страдать* [Виноградов 1955: 418-434].

Уже в 5 классе начинается знакомство учеников с эмоционально-экспрессивными средствами языка. Исследователи детской речи отмечают, что школьники почти не используют оценочную лексику в своей речи, и поэтому не могут самостоятельно оценить предмет, лицо, действия, выразить своё собственное отношение к описываемому. А ведь используя эмоционально – экспрессивную лексику можно ярче, образнее выразить наши чувства, настроения, наше отношение к тому, о чём мы говорим или пишем. Ученики 5-го класса знакомятся с понятием «значение суффикса, приставки», учатся толковать эти значения при изучении темы «Словообразование».

Важно обратить внимание учеников на различие в значениях суффиксов -ик- - -ок-, -еньк- - -онк-. Они придают добавочные оттенки лексическим значениям слов (уменьшительно-ласкательное у –ик-, -еньк-, уничижительно-презрительное у – ок-, -ушк - (под ударением) или –онк-).

Необходимо обратить внимание школьников на стилистические закономерности русской лексики. В разговорной речи и книжной много общего, но есть и определенные отличия. Так, некоторые слова используются либо только в разговорной речи, либо только в книжной. Однако есть слова, которые используются либо только в разговорной речи, либо только в книжной. Эмоционально-экспрессивные слова в научных книгах не используются, зато постоянно встречаются в разговорной речи.

Работая с учениками на всех уровнях изучения русского языка нужно помогать учащимся находить в тексте существительные, прилагательные, глаголы, имеющие эмоционально-экспрессивный характер значения, правильно определять книжный характер слов. Постоянная работа со словарём учит детей «прислушиваться» к слову, воспитывает «чувство языка». Если систематически проводить работу над эмоционально-экспрессивными словами, над их стилистическим использованием, сочетать её с изучением словообразования, морфологии, у школьников вырабатываются навыки не только отыскивать эмоционально-экспрессивные единицы языка в чужой речи, но и правильно применять их в своей [Голененко 2017: 9].

Лингводидактическая проблема при лингвистическом анализе стихотворений Саши Черного заключается в том, что художественные тексты, являются объектными и имеют многоаспектную природу (лингвистического, психологического, социального, культурологического) феномена. Учителю необходимо показать ученикам морфологические средства создания языковой экспрессии в поэтических текстах поэта;

рассмотреть средства выразительности языковых явлений в области грамматики.

Важно обратить внимание на формы числа имени существительного. Они являются средством создания экспрессивности в стихотворных текстах, а по частоте, разнообразию приемов использования и функциям в художественном тексте находится на первом месте. Грамматические формы числа имени существительного, являющиеся отражением мыслительной категории количества, представляют собой сложное диалектическое взаимодействие тождества и различия, части и целого.

Имена прилагательные в поэтических текстах связывают морфологические и семантические процессы при образовании экспрессивных форм. Прилагательные, в первую очередь, приспособлены выражать новую информацию о предмете речи. Именно эта новизна, яркость, необычность создаваемых образов обладает огромным экспрессивным потенциалом. Способность же прилагательных проявлять отношение говорящего к предмету речи и тем самым придавать ей особую эмоциональность обуславливает их возможность влиять на стилистические свойства контекста в целом [Голуб 1997: 448].

Глагол во всем богатстве его семантики, со свойственными ему значениями грамматических форм и возможностями синтаксических связей, при многообразии стилистических приёмов образного употребления является неисчерпаемым источником экспрессии. Экспрессивность глаголов, причастий и деепричастий связана с возможностями данных форм к выражению предикативной семантики, а также с особенностями их расположения в тексте. Общим для использования выразительных возможностей глагола, причастия и деепричастия является следующее. Во-первых, для их экспрессивного употребления в поэтическом тексте более значимой является не временная оппозиция, как в прозе, а залоговая. Грамматической категорией залога называется глагольная категория, которая выражает

отношение действия к субъекту (производителю действия) и объекту действия (предмету, над которым действие производится). Это, несомненно, связано с тем, что в центре поэтического произведения всегда находятся субъектно-объектные отношения. Во-вторых, то, что, по сравнению с другими частями речи, они в наибольшей степени демонстрируют тесную связь различных языковых уровней - лексического, морфологического и синтаксического. При этом на усиление или утрату морфологических признаков очень активно влияют их синтаксические связи, создание единой синтагмы. В свою очередь, целью её создания является образность, которая, как показывает исследование, способствует угасанию глагольных признаков у причастий и деепричастий. В поэзии на первый план выходит признаковость этих глагольных форм, создающая образность, экспрессивность. Образное причастие, по сравнению с необразным, ближе к прилагательному, деепричастие - к наречию [Качаева 1975: 101-104].

Анализ морфологических средств создания экспрессии свидетельствует о разнообразии их использования у разных авторов и о широких возможностях проявления авторской индивидуальности и повышения выразительности в поэтических текстах. Последовательное их выявление позволит нам определить роль оценочной лексики в дискурсе писателя в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе рассматривался таксационный фрагмент языковой «картины мира» индивидуальной личности, творца, художника. В языковой системе последовательно раскрываются новые возможности поэтического языка Саши Черного. Особенности «новой» литературы, утвержденные В.В. Виноградовым, Д.С. Лихачевым и другими филологами (зависимость

средств изображения от предмета изображения) подтверждают свою устойчивость.

Для воплощения поэтического замысла «предмет» представления потребовал от Саши Черного абсолютной свободы преобразования слов (отступление от известных образов-штампов), стилистической оригинальности в поисках созвучия «равенства и братства» (В.П. Григорьев), самых разных слов, направлении на предельное наполнение стиха внепоэтической лексикой. Собственные иронические стремления поэта, которые отражают его личность, допускают использование уничижительной лексики в оценочном значении. Сниженная лексика позволяет с иронической точки зрения осмыслить реальный мир, сдвинуть его изображение, изобразить структурную и смысловую двуплановость, типичную для иронического представления.

Доминирование в дискурсе поэта таких средств выражения оценки, как знаковые слова, смысловые слова и небольшое использование функциональных слов говорят о верном отражении значения «мнение о ценности» и выражении признаковой, эмоциональной оценки.

Главную роль в смене одного оценочного компонента слова на другой прямо противоположный играет ироническое употребление слов. Это в первую очередь связано с самой природой иронии, «притворства», заведомого несоответствия положительного значения и отрицательного подтекста. Явный и «теневого» смысл слов создает эффект насмешки и является стилистическим приемом контраста. Завуалированный характер оценки увеличивает ее воздействующую силу, повышая экспрессивность лирических образов и текста в целом.

Для структурирования оценочного дискурса поэта важно исследование поэтического синтаксиса: синтаксический строй прочно связан с семантикой и выступает по отношению к нему как главный организующий и структурный фактор, обуславливающий градацию оценочных значений.

В своей поэтической речи Саша Черный часто использует устный диалог – употребляет обращения «перевертыши», требования, риторические вопросы, направленные к другому лицу или предметному миру, которые в поэтической речи изменяют свои смысловые функции. Общий смысл речевых форм диалога в поэзии Саши Черного – это выражение эмоционально-оценочного отношения к объекту путем непосредственного речевого контакта с ним, стремление повлиять на окружающий мир, и в то же время ироническое отстранение от него.

Подвижные соединения различных оценочных средств происходят с помощью стилистического приема градации, которая важна для исследования иронической оценки и ведет к снижению ценностного признака и его усилению в отрицательной зоне: от доброй к злой иронии.

Лексика стихотворений Саши Черного, взятая вне текста, является нейтральной. В структуре текста она выступает как системно организованная по законам поэтической речи – по сути своей образной. На основе контекстуальной сочетаемости многие слова получают переносное значение и образуют тропы – эпитеты. Основную изобразительную функцию выполняют существительные, глаголы, причастия. В поэзии Саши Черного много приемов звукописи (звукосимволизма), наблюдается множество шипящих, сонорных звуков. Обилие тире и восклицательных знаков передает взрывную интонацию стихотворений. Использование односоставных (определенно-личных, неопределенно-личных, безличных) предложений помогает понять позицию автора по отношению к окружающему его миру.

Таким образом, по доминантам своего дискурса, по основным чертам выражения их в языковой ткани текста Саша Черный, продолжая главные традиции в развитии поэтического языка, открывает новые «неклассические» способы словесного художественного познания. Описание их сенситивной природы увеличивает представление об оценочном фрагменте языковой картины мира - многообразии оценочных

значений (ироническая оценка, саркастическая оценка) и разноуровневых средствах выражения оценки (фонетических, лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, супraseгментных) в их взаимодействии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Теоретические работы:

1. Аванесова, Н. В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики [Текст] / Н. В. Аванесова // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – Выпуск 2. № 17. – С. 5-9.
2. Алиева, Э. Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках (русском, английском, лезгинском) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра. филол. Наук / Э. Н. Алиева. – М.: Изд-во Институт языкознания РАН, 2010. – 25 с.
3. Андреева, В. А. Литературный нарратив: дискурс и текст [Текст]: монография / В. А. Андреева ; Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена. – Санкт- Петербург: Изж-во Норма, 2006. — 182 с.
4. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр.лит., 1961. – 393 с.
5. Барт, Р. Лингвистика текста [Текст] / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. — М.: Прогресс, 1978. — С. 442-462.
6. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. М. Бахтин // Исследования разных лет.— М.: Художественная литература, 1975. — С. 500.
7. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист ; пер. с франц.; общ.ред. Ю. С. Степанова. — М.: Либроком, 2010. — С. 448.
8. Бюлер, К. Теория языка. [Текст] Репрезентативная функция языка. Пер. с нем. / К. Бюлер ; общ.ред. и комментарии Т. В. Бульгиной; вступ. ст. Т. В. Бульгиной и А. А. Леонтьева. - 2-е изд. - Москва : Прогресс, 2000. — С. 500 [1].

9. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса [Электронный ресурс] / А. Т. Ван Дейк // *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. — 1998. — Режим доступа: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html>.
10. Вафеев, Р. А. К определению категории «оценочности» и «экспрессивности» при сопоставлении языков [Текст] / Р. А. Вафеев // *Проблемы и перспективы изучения в современных условиях*. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. – С. 178–179.
11. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики [Текст] / В. В. Виноградов // *Русский язык. Культура русской речи*. — 1955 — №1 — С. 418-434.
12. Виноградов, В. В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1967. – 136 с.
13. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов // *Проблемы русской стилистики*. — 1981. — № 6 — С. 320.
14. Галеева, Н. Д. Параметры художественного текста и перевод [Текст]: монография. / Н. Д. Галеева ; Тверской Государственный Университет — Тверь: Изд-во ТвГУ, 1999. — 155 с.
15. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке [Текст] / Е. М. Галкина- Федорук // *Сборник статей по языкознанию*.— М.: Наука, 1958. – С. 107.
16. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. — М.: Наука, 2007. — 148 с.
17. Голененко, А. Б. Изучение эмоционально-экспрессивной лексики в школе [Текст] / А. Б. Голененко // *Педагогическая мастерская. «Первое сентября»*, 2017. — № 10 — С. 9.
18. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка [Текст] / И. Б. Голуб. - М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. - 448 с.

19. Горохова, Н. В. Проблема многозначности понятия «дискурс» [Текст] / В. Н. Горохова // Омский научный вестник. — 2014. — № 4. — С. 90-93.
20. Гуляр, Т. Б. Побудительный дискурс [Текст] / Т.Б. Гуляр // Коммуникативнофункциональный аспект языковых единиц. Сборник научных трудов.— Тверь: Тверской государственный университет, 1993. — С. 37—43.
21. Гуо, Х. Особенности дискурса художественного произведения [Электронный ресурс] / Х. Гуо // Молодой ученый. — 2017. — №20. — С. 483-486. — Режим доступа: <https://moluch.ru>.
22. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс] / З. В. Демьянков // Политический дискурс: История и современные исследования. — М.: Политическая наука, 2002. — № 3. — С. 32-34. Режим доступа: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html>.
23. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX - XX вв. / М. Я. Дымарский. — 3-е изд., испр. — М.: КомКнига, 2006. — 296 с.
24. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В. А. Звегинцев. — М.: Изд-во Московского университета, 1976. — 308 с.
25. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория [Текст] / В. А. Звегинцев. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 246 с.
26. Карасик, В.И. Указ.соч. [Текст] / В. И. Карасик, Bhatia V.K. // Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. —L.: Longman, 1993. — С. 12-15.
27. Качаева, Л. А. Глагол как изобразительное средство [Текст] / Л. А. Качаева // Русский язык в школе. — № 5. — 1975. — С. 101-104.
28. Кибрик, А. А. Функционализм [Текст] / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Фундаментальные направления современной

американской лингвистики; под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной.— М.: МГУ, 1997. — С. 276-339.

29. Леонтьев, А. А. Основы теории речевой деятельности [Текст] / А. А. Леонтьев. — М.: Наука, 1974. — С. 368.

30. Маслова, В. А. Филологический анализ поэтического текста [Текст] / В. А. Маслова. — Мн.: Вышэйшая школа, 1997. — 220 с.

31. Нелюбин, Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка [Текст]: учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1990. — 301 с.

32. Нурхамитов, М. Р. Экспрессивность художественного текста как лингвистическая категория [Текст] / М. Р. Нурхамитов // Казанский (Приволжский) федеральный университет. — 2017. — №69-1. — С. 188 – 190.

33. Почепцов, Г. Г. Прагматические особенности текста [Текст] / Г. Г. Почепцов // Прагматическая интерпретация и планирование дискурса.— Пятигорск: Изд-во Пятигорского пед. ин-та ин. яз., 1991. — 12–33 с.

34. Ревзина, О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта [Текст] : дис. ... в форме науч. док. / О.Г. Ревзина ; Московский Государственный Университет. — Москва: Изд-во МГУ, 1998. — 86 с.

35. Руднев, Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка [Электронный ресурс] / Ю. Руднев // Научные записки из Жёлтого дома, 2016. — № 7. — Режим доступа: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html>.

36. Рюкова, А. Р. К вопросу о классификации дискурса [Текст] / А. Р. Рюкова // Вестник Башкирского университета. — 2016. —Т. 21, № 1. — С. 115-117

37. Седых, А. П. Коммуникативно-когнитивные особенности художественного дискурса и наука о языке [Текст] / А. П. Седых, Е. И. Куган // Вопросы теоретической прикладной лингвистики. — 2015. — Т. 1, № 4. — С. 110-114.

38. Студенкина С. А. Текст как лингводидактическая единица. [Текст] / С. А. Студенкина // Комплексный анализ текста, методы, формы, формирующие языковую, коммуникативную и лингвистическую компетенции. — Государственное учреждение образования «Средняя школа №2 г. Калинковичи», 2013. — С. 80 – 88.

39. Тапова, З. В. Лингводидактические проблемы обучения полисемичной лексике русского языка учащихся начальной национальной (кабардинской) школы [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / З. В. Тапова. — Нальчик РГБ ОД, 2006. — 208 с.

40. Томская, Н. Н. К проблеме определения понятий «текст» и «дискурс» [Текст] / Н. Н. Томская // Современные проблемы гуманитарных наук в мире. — 2017. — № 19. — С. 68.

41. Тюленев, С. В. Теория перевода [Текст] : учеб. пособие / С. В. Тюленев. — М.: Изд-во Гардарики, 2004. — 336 с.

42. Тюпа, В. И. Коммуникативное событие урока [Электронный ресурс] / И. В. Тюпа // Статья руководителя методического семинара преподавателей литературы ЦДО РГГУ / Российский государственный гуманитарный университет, 2016. — Режим доступа: <http://metlit.nm.ru/materials/materials.html>.

43. Чернявская, В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность - дискурсивность – интердискурсивность [Текст] / В. Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сб. научных статей / СПбГУЭФ. — Санкт-Петербург, 2007. — С. 223.

44. Шаховский, В. И. Эмоции в коммуникативной лингвистике [Текст] / В. И. Шаховский // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 677.

45. Austin, John Langshaw How to Do Things With Wjrds [Текст] / Austin John // Cambrige (Mass.)1962 – Harvard University Press, 2nd edition,2005. — 168 p.

46. Schiffrin, D. The language of discourse: Connections inside and out [Текст] / D. Schiffrin // vol. 10. — Blackwell Publishers, 1990. — 97-100 p.

II. Список использованных словарей:

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 136–137.

2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – 4-е изд., стер. – М. :КомКнига, 2007.

3. Васильева, Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов [Текст] / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович ; отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. — М.: Рус. Яз., 1996. — С. 175.

4. Гридин, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / В. Н. Гридин. – М.: Советская энциклопедия — 1990.

5. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. ; под общ.ред. Е. С. Кубряковой. — М.: МГУ, 1996.

6. МАС. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз; Полиграф ресурсы. — 1999. — Т. 1. А—Й.

7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1987.

III. Список источников:

1. Черный, Саша. Глупость. Сатирикон [Электронный ресурс] / Саша Черный. — Режим доступа: // <http://cherny-sasha.lit-info.ru/cherny-sasha/satira-v-proze/glupost.htm>.